

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

20—22 июня 2013

Новые катализаторы изменений

ГЛОБАЛЬНЫЙ РЕЖИМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

ГЛАЗАМИ СТРАН БРИКС

Круглый стол

22 июня 2013

12:00—13:15, Павильон 4, Зал 4.1

Санкт-Петербург, Россия

2013

Модератор:

Марина Ким, Телеведущая, Телеканал «Россия»

Выступающие:

Абдулла Аль-Мобти, Председатель совета директоров, Совет торгово-промышленных палат Саудовской Аравии; председатель совета директоров, Торгово-промышленная палата г. Абха

Игорь Дроздов, Старший вице-президент по правовым и административным вопросам, Фонд «Сколково»

Антон Иванов, Председатель Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации

Дафна Коллер, Профессор, Stanford University

Суреш Прабху, Председатель совета по энергетике, окружающей среде и воде Индии

Кимбалл Чен, Председатель и главный исполнительный директор, Energy Transportation Group

Цуй Чжюань, Профессор, Школа государственного администрирования и менеджмента, Tsinghua University

М. Ким:

Добрый день, дамы и господа. Нам приятно приветствовать всех, кто собрался в этом зале. Сегодня заключительный день Петербургского экономического форума. И в этот заключительный день у нас пройдет дискуссия, которая, возможно, положит хорошее начало широкому обсуждению темы интеллектуальной собственности в России.

Тема нашей панели: «Глобальный режим интеллектуальной собственности глазами стран БРИКС». И сегодня нам приятно приветствовать наших коллег по этой организации. К представлению участников мы еще вернемся, а пока я кратко расскажу о порядке нашей сегодняшней встречи. После приветственного слова будет видеообращение профессора Роберто Унгера из Бразилии, выступит Антон Александрович Иванов, а затем состоится дискуссия, в конце которой предполагаются вопросы из зала.

Я сразу оговорюсь, что я не юрист и юридические тонкости вне моего понимания, но мы, журналисты, видим интерес, возникший к этой теме на Форуме. Буквально на днях, в рамках встречи «Деловой двадцатки» мы наблюдали, с каким интересом отнеслись к ней участники предстоящей осенней встречи большой «двадцатки». Виктор Вексельберг, президент фонда «Сколково», поднимал вопрос о защите интеллектуальной собственности перед Владимиром Путиным. Был проявлен определенный интерес, и вероятно, осенью мы увидим в повестке «Двадцатки» и этот вопрос. Российская сторона рекомендует выработать глобальный механизм, глобальный кодекс защиты конкуренции. Наша дискуссия коснется и этих предложений. Итак, мы начинаем с представителя Бразилии профессора Унгера. Это человек, учивший в Гарварде нынешнего Президента США. Он не понаслышке знаком с проблемами, связанными с защитой интеллектуальной собственности. Пожалуйста, трансляцию.

Р. Унгер:

Если мы хотим стимулировать инновационное развитие, нам нужно радикально изменить режим регулирования и защиты интеллектуальной собственности. При нынешнем режиме, возникшем в конце XIX века —

самым ярким его проявлением стала патентная система, — технологические инновации подпадают под действие исключительных имущественных прав. В результате крупный капитал контролирует важнейшие технические достижения. Если мы намерены привлечь к разработке и внедрению инноваций все круги общества, включая представителей малого бизнеса, независимых предпринимателей и изобретателей, у нас нет причин поддерживать существующую систему. Не следует считать патентную систему и ее аналоги чем-то абсолютным и безусловным. Область их применения необходимо ограничить. Мы должны создать новые механизмы стимулирования, финансирования и поддержки инноваций. Один из них — выдача государственных премий или наград за научно-технические инновации. Второй — разрешение изобретателям и авторам инноваций приобретать долю в капитале предприятий, учреждаемых в партнерстве с государством для коммерциализации изобретений и результатов прикладных исследований. Таким образом, мы начнем создавать разнообразные альтернативные механизмы стимулирования инновационного развития и нарушим монополию системы исключительных прав, при которой инновации служат алчности коммерсантов. Проблема интеллектуальной собственности связана с проблемой мирового порядка. Наше отношение к рыночной экономике не должно определяться формулой «больше рынка» или «меньше рынка». Нам нужен рынок другого вида на других условиях. То же самое с глобализацией: мы должны не ограничиваться формулой «больше глобализации» или «меньше глобализации», а требовать иной глобализации.

М. Ким:

Профессор Унгер завершил свое вступительное слово, и мы сразу приглашаем Антона Александровича Иванова — Председателя Высшего Арбитражного Суда. В этом году в системе арбитражных судов начинает действовать новая инстанция — специализированный суд, который будет

заниматься проблемами интеллектуальной собственности. Антон Александрович, пожалуйста.

А. Иванов:

Спасибо. Действительно, многие страны, включая страны БРИКС, фиксируют повышенный интерес к защите интеллектуальной собственности. И это неудивительно: если у них есть собственный промышленный потенциал, то его нужно защищать. Современное производство все в большей степени становится производством не деталей и железок, а интеллектуальных продуктов. И этот процесс усугубляется и углубляется. Учитывая рост внимания к интеллектуальной собственности, мы сочли необходимым создать суд по связанным с ней правам. В основном он действует в сфере патентных прав и товарных знаков, поскольку эта часть в наших условиях в большей степени востребована и в большей степени связана с бизнесом. Вопросы авторских прав в значительной мере оказываются вне сферы внимания данного суда. Тем не менее, мы считаем очень важным и это направление развития и видим в нем большие перспективы. Судьи обычных судов боятся дел по интеллектуальной собственности и не любят их (они всегда сложные, всегда требуют наличия знаний в определенной отрасли техники, как в нашем случае). Конечно, тут нужна высокая степень специализации. Я приветствую всех участников настоящей дискуссии и хотел бы принять участие в ней наравне со всеми, поэтому я ограничу свое приветственное слово. Спасибо.

М. Ким:

Большое спасибо. Мы пошли не по алфавиту, а по аббревиатуре БРИКС: у нас были представители Бразилии, России, теперь очередь представителя Индии. Господин Суреш Прабху, который занимался проблемами защиты интеллектуальных прав в Индии как представитель государственных интересов. Он был министром торговли, был членом кабинета в семи правительствах. Пожалуйста, господин Прабху, Вам слово. Каким Индия

видит существующий режим интеллектуальной собственности, нужны ли изменения в этом режиме, о чем говорил профессор Унгер?

С. Прабху:

Благодарю Вас. У нас выходит очень интересная дискуссия о правах на интеллектуальную собственность. Наверное, такие дискуссии следует вести всегда и везде. Надо понимать суть проблемы. Если вы спросите, нуждаемся ли мы в инновациях, в изобретениях, я отвечу: «Да». Но что стимулирует возникновение изобретений? Что проявляется в изобретении? Разве право создает изобретение? Можно ли поверить в это? Полагаю, нам следует по-новому посмотреть на историю человечества. Человечество обитает на Земле в течение сотен тысяч лет. Его эволюция от каменного века и ледникового периода до наших дней не была обусловлена никакими правовыми нормами. Не было Всемирной Торговой Организации, которая действовала бы в интересах прогресса и гуманности. Люди не думали, что Луна находится так близко. Развитие человечества происходило не благодаря правам на интеллектуальную собственность, а благодаря тому, что человеческий разум осваивал новые области и генерировал новые идеи, благодаря стремлению людей к самосовершенствованию. Сегодня это не менее важно, чем сотни тысяч лет назад. Более того, значение прогресса даже возросло. Дело в том, что порой мы двигались в неверном направлении: это касается, например, энергетики. Нам придется изобретать, ибо потенциал человеческого разума безграничен. Наш разум способен развиваться во многих направлениях: надо лишь не воздвигать препятствий на пути прогресса. Когда возникла интеллектуальная собственность? Когда было заключено соглашение ТРИПС в рамках ВТО? До появления человечества? Нет, все это произошло в последние десятилетия. Вероятно, глобализация стала возможной вследствие возрастания мобильности людей и активизации обмена идеями и информацией. А вдруг ее сделали возможной некие правовые нормы? Нет. Ничего подобного. Следует задуматься над этим. Приведу пример из истории Индии. В Индии появилось понятие нуля. Нуля не было, пока некий

индиец не предложил его ввести. Известно ли нам имя этого человека? Его никто не знает! Был ли у него патент? Получал ли он роялти за изобретение нуля? Нет! Он был гением, но мы ничего не знаем о нем. Он сделал открытие и не получил вознаграждения. Именно так развивалась цивилизация. Мы должны поступать так же. Нужен ли нам сегодня правовой режим, стимулирующий изобретательство? Да. Должны ли мы защищать интеллектуальную собственность? Да. Но мы должны защищать в первую очередь интеллект, а собственность, которую он создает — далеко не всегда. Полагать, что одного интеллекта достаточно для создания собственности — явное заблуждение. Прежде всего следует понять, как мы можем ускорить развитие человечества. Приведу несколько примеров из области медицины. СПИД — страшная болезнь, способная истребить человечество: так думали еще несколько лет назад. Затем оказалось, что можно создать спасительное лекарство. Допустим, вы заявляете: «Это лекарство изобрел я и разрешу производить его, только если буду получать большие отчисления. Мне все равно, умрете вы или нет». Правильно ли это? Мы должны вместе задуматься над этим. В Индии признается значение прав на интеллектуальную собственность. У нас есть соответствующие законы: я сам участвовал в их разработке. Наше законодательство защищает изобретения. Мы следуем общепринятым правилам. Но лично я полагаю, что разум — это принципиальное отличие человека от животного. Человек способен проявлять мудрость. Думаю, следует провести черту, за которой изобретения должны служить всему человечеству. Мы должны отделить изобретения, которые должны служить всему человечеству, от изобретений, которые могут использоваться в коммерческих целях. Я считаю, что права на интеллектуальную собственность нужны для защиты изобретений. Когда-то изобретения могли появляться и без них, сегодня — нет. В то же время несколько компаний не должны эксплуатировать все человечество. Следует обратить внимание на эту проблему. Я уже говорил об энергетике и сейчас возвращусь к ней. Климатические изменения происходят не без воздействия людей. Одна из причин этих изменений — слишком активное использование ископаемых

видов топлива. Следовательно, мы должны развивать альтернативную энергетику. Речь идет не только о применении новых видов энергоресурсов, но и о спасении погибающей планеты. Разве защита интеллектуальной собственности настолько важна, что мы не можем использовать возобновляемую энергию для спасения планеты? Пора подумать об этом. Требуется большая мудрость, чтобы отделить изобретения, которые могут использоваться в коммерческих целях, от тех, которые крайне необходимы всему человечеству.

М. Ким:

Спасибо, господин Прабху. Вы как раз продолжили мысль профессора Унгера о том, что необходимо разграничить жажду наживы — то, что мы называем коммерческим интересом, — и цели развития инноваций, цели развития человечества. Мы хотим, чтобы стимулы для экономического роста сохранялись, а существующий режим охраны интеллектуальной собственности не всегда этому способствует.

В связи с этим передаю слово единственной женщине-эксперту за нашим столом — госпоже Дафне Коллер. Во-первых, она профессор Стэнфордского университета, а во-вторых, представляет крупнейший образовательный ресурс на пространстве мирового интернета — Coursera. Этот web-ресурс дает возможность миллионам людей по всему миру быть вовлеченными в образовательный процесс. Вы занимаетесь интеллектуальным трудом и, безусловно, для Вас вопрос защиты интеллектуальных прав достаточно тонок и важен. Признаете ли Вы необходимость изменения существующего режима защиты интеллектуальной собственности или все должно остаться, как есть?

Д. Коллер:

Благодарю вас. Хочу уточнить: мы не производим интеллектуальную собственность. Coursera — это канал распространения интеллектуальной собственности, созданной величайшими умами планеты. Мы работаем с лучшими мировыми университетами: они создают превосходный

образовательный контент, а мы помогаем донести его до тех, кто иначе никогда бы не получил к нему доступа. Думаю, образование — важнейший вид интеллектуальной собственности из всех, что здесь обсуждаются. Мы пытаемся совершить революцию и сделать его общедоступным. По различным причинам — отчасти из-за ограниченности ресурсов, а отчасти из-за естественной склонности человека оберегать все ценное — хорошее образование было доступно лишь немногим: тем, кому повезло стать студентами ведущих университетов. Иногда, узнав, что мы предоставляем такое образование, которое доступно лишь студентам Принстона, Стэнфорда, Йеля и подобных им университетов, люди спрашивают меня: «Вы можете дать образование, соответствующее стандартам Стэнфорда или Принстона, миллионам людей во всем мире, но что потом делать с этими людьми?» И правда: что делать с множеством людей, получивших качественное образование? Я отвечаю: «Разве плохо, если многие получат такое образование, станут вносить свой вклад в развитие общества, порождать великие идеи? Стоит ли искусственно делить общество на страты, не давая большинству получить хорошее образование?» Что произойдет, если образование станет бесплатным и доступным для каждого — по крайней мере, для каждого, кто подключен к Интернету? Для человечества открываются две совершенно разные возможности. Первая — значительное увеличение благосостояния общества. Я хочу поддержать то, что уже говорилось на эту тему. Возьмем проблемы, характерные для развивающихся стран. Это СПИД, перенаселенность, экстремизм, детская смертность, безработица и многое другое. Если мы зададимся целью стратифицировать население по образовательному признаку с поправкой на социоэкономический статус, этническую и религиозную принадлежность, выяснится следующее: чем образованней человек, тем меньше он страдает от всего этого. Поэтому образование, особенно женское — это один из механизмов, с помощью которых можно изменить мир к лучшему. Интересы общества важнее защиты интеллектуальной собственности — в том смысле, что ею не должно пользоваться лишь небольшое привилегированное меньшинство. Вторая возможность — стимулирование

инноваций путем предоставления доступа к образовательным ресурсам всем желающим. Это позволит им не замыкаться в своем кругу и налаживать сотрудничество с другими людьми, чтобы сообща генерировать новые идеи. Думаю, мы открываем двери такому потоку инноваций, который не соответствует нашим привычным представлениям. Приведу один любопытный исторический факт. В начале XX столетия приобрел известность индийский математик Рамануджан. Он был родом из небольшого индийского городка и не получил специального образования. Благодаря случайно попавшему в руки учебнику он освоил азы математики, и, накопив знания, смог ликвидировать пробелы в своем образовании. Фактически он не имел высшего математического образования, но это не помешало ему стать одним из самых выдающихся математиков за последние 150 лет. Думаю, что в деревнях Индии, Ганы, Бангладеш живет много Рамануджанов. Получив доступ к базовому образованию, они могли бы породить новые идеи, способные улучшить жизнь каждого из нас. Вот одна из причин, по которой интересы общества в определенном смысле стоят выше интересов владельцев интеллектуальной собственности.

М. Ким:

Большое спасибо, Вы говорили о том, что необходимо добиваться баланса в сфере образования — выравнивать уровни образования по всему миру, говорили о том, что открытая система доступа к знанию людей из Бангладеш, Индии, Пакистана, из развитых стран дает возможность создавать новые интеллектуальные продукты, новые технологии.

Сейчас слово представителям Министерства связи, которые присутствуют в нашем зале. Мне приятно представить Марка Михайловича Шмулевича, заместителя министра связи. Сейчас мы плавно от темы IP перейдем к теме IT и к подходам, которые исповедует Министерство связи.

М. Шмулевич:

Большое спасибо. Я присутствую на этой сессии в первую очередь как слушатель, потому что тема крайне интересная, и особенно она интересна

тем, что в последнее время в деятельности Министерства связи и массовых коммуникаций появился новый приоритет: это ИТ — информационные технологии, современный сегмент с большими перспективами роста. Скажу лишь несколько слов, почему мы считаем тему интеллектуальной собственности и стратегии в этой области чрезвычайно важной для ИТ. Сегодня не будет преувеличением сказать, что для представителей ИТ-отрасли России тема защиты ИР не входит в число приоритетных. Действительно, на наших встречах, экспертных советах вопросы, связанные с интеллектуальной собственностью, практически не поднимаются. Но подавляющее большинство экспертов сходятся в том, что уже через два—три года роль именно этих вопросов сильно возрастет. Думаю, что через три, может быть, пять лет ситуация коренным образом изменится. И работоспособный механизм защиты ИР в области интеллектуальной собственности в России выйдет на первый план. У нас сегодня не хватает статистики, слишком мало было случаев правоприменения, чтобы понять, как эти механизмы работают. Но есть большие надежды.

Во-первых, естественно, на новый суд, который был создан только в марте, на то, каково будет реальное правоприменение и результаты его работы. Наверное, года через два можно будет судить об этом обоснованно.

Во-вторых, есть набор поправок в четвертую часть ГК, который должен рассматриваться в осеннюю сессию. Эти поправки также касаются области защиты интеллектуальной собственности, они будут способствовать улучшениям в сфере ИТ, если, конечно, будут приняты.

Мне кажется, для оценки того, насколько ИТ-компании смогут успешно развиваться в России, чрезвычайно важно, какое правоприменение по соответствующим делам установится в пятилетней перспективе. У нас есть временной лаг, чтобы успеть приблизить опыт стран БРИКС, который вы обсуждаете, к нашей реальности и воплотить лучшие практики для отрасли ИТ в России. Слава богу, есть некий запас времени. Спасибо.

М. Ким:

Большое спасибо. Сейчас хотелось бы передать слово тем экспертам, кто взял на себя смелость быть первопроходцами. Игорь Александрович Дроздов, старший вице-президент фонда «Сколково». Фонд провел одно из первых в России исследований по теме глобальной интеллектуальной собственности. Это полномасштабный научный труд, который касается всех сфер и аспектов существующего режима охраны интеллектуальной собственности применительно к России. Насколько я поняла, времени ждать нет и действовать нужно уже сейчас. К каким выводам пришел ваш экспертный коллектив?

И. Дроздов:

Я думаю, будет некоторым преувеличением сказать, что наше исследование носит полномасштабный характер. Оно затрагивает лишь определенные аспекты, связанные с интеллектуальной собственностью. На мой взгляд, принципиально важно то, что необходимо по-иному взглянуть на институт интеллектуальной собственности, нежели он до сих пор рассматривался в России, по крайней мере, на протяжении последних 15 лет.

Уважаемый господин Прабху уже говорил об этом сегодня. Именно в таком контексте ставятся эти вопросы в России. Но это пока не привело к глубоким исследованиям на затронутую тему, к широким обсуждениям. Проблема разграничения интересов правообладателя и интересов общества и государства еще не получила конкретного разрешения.

Сегодня уже говорилось о том, что современные технологии позволяют продвигать образовательные программы, что Интернет позволяет получить доступ к знаниям тем людям, которые раньше такой возможности в принципе не имели. Но зачастую интеллектуальная собственность служит тем институтам, которые, как это ни парадоксально, иногда препятствуют использованию новых технологий в практической жизни. Потому что донесение таких программ до потребителя всегда сопряжено с переговорами с правообладателями, что, в конечном итоге, влечет определенные затраты, потому что далеко не всегда правообладатели

готовы свой контент отдать бесплатно. Иногда, может быть, они и готовы, но не так просто их найти, чтобы заключить с ними соответствующий договор. Это те препятствия, которые объективно существуют и в Соединенных Штатах Америки, и в Европе, и в России. В плане использования есть определенные изъятия из числа объектов, охраняемых авторским правом. Речь идет о случаях свободного использования. Произведение может быть использовано без согласия автора, но с выплатой вознаграждения. Либо использовано без согласия автора и без выплаты вознаграждения. Перечень таких изъятий есть, он со временем меняется. Например, в проекте к изменению 4-й части Гражданского Кодекса этот перечень предполагается несколько расширить, исходя из того, как развиваются технологии.

Но ряд вопросов по-прежнему остается нерешенным. Мы продолжаем дискутировать: можно ли, а если можно, то на каких условиях переводить в электронный вид бумажные носители — например, книги? Сходная ситуация сложилась с программой создания виртуальных музеев. Понятно, что в музеях находятся картины, охраняемые авторским правом. Можем ли мы и на каких условиях перевести картины в электронный вид? Речь идет не о развлекательном контенте. Я хочу сразу подчеркнуть, что речь идет о том контенте, который способен расширить базу для инноваций. Вот был приведен пример с известным математиком. Трудно себе даже представить, какое количество талантливых людей, получив доступ к образованию, сможет создавать что-то новое в мире, тогда как сейчас они просто исключены из процесса инноваций. Выгоден ли такой доступ человечеству? Конечно, выгоден! Но здесь правообладатели скажут: за это надо заплатить! И мы должны взвесить, что здесь важнее? Как надо поступить? Профессор Унгер предложил новые, может быть, в чем-то экзотические способы, но следует подумать: а какими способами можно компенсировать гипотетические потери правообладателя? Хотя, исходя из своего опыта, я не уверен, что эти потери были и будут значительными.

Когда я учился на юридическом факультете, то не имел возможности — ни финансовой, ни логистической — поехать куда-то и купить книжку. Не было

ни денег, ни возможности поехать. Если бы возможность была, я бы получил эти знания. Но я ее не приобрел, и поэтому правообладатель на мне ничего не заработал. Много ли правообладатели потеряют от того, что какие-то работы студенты смогут читать бесплатно? Речь идет об ограниченном доступе, предположим, для студентов. Скажем, без возможности скачивания при чтении с экрана, и так далее. Возможности о переводе книг в электронный вид — только для библиотек. Все это можно продумать.

И второй момент, на который я хотел обратить внимание, уже применительно к странам БРИКС. Я согласен с профессором Унгером: тот, кто владеет технологиями, управляет миром. Сейчас технологии сосредоточены в руках крупных компаний, корпораций, которые расположены в странах «Восьмерки». И мы оказываемся в неравных условиях — изначально, а не потому, что мы глупее.

Как пример — в Советском Союзе, где система интеллектуальной собственности не работала, было создано много ее объектов, привлекательных потенциально и коммерчески. Но многие разработчики, уехавшие за рубеж, забрали с собой эти технологии. Потом они там запатентовались, а теперь мы приобретаем их оттуда. Справедливо это? Не уверен. Хотя с формальной точки зрения все правильно. Поэтому, на мой взгляд, необходимо думать о том, как восстановить баланс или как обеспечить добросовестную конкуренцию. Сейчас тот, кто владеет технологией или патентом, часто просто не дает другой компании выйти на рынок. Не потому, что он предполагает использовать этот патент для своего производства — мы бы это только приветствовали, — а потому, что хочет помешать конкурентам. На это следует реагировать и, мне кажется, необходимо развивать механизм антимонопольного регулирования в этой сфере. И в США, и в Европе такие подходы уже формируются. Удивительно, что в России, где даже на уровне внутреннего антимонопольного закона существуют изъятия, антимонопольное регулирование к объектам интеллектуальной собственности почему-то не

применяется. Эта та тема, вокруг которой должны строиться дискуссии на национальном и на международном уровне.

М. Ким:

Наша дискуссия ориентирована на БРИКС, поэтому логично дать слово представителю Китая. Профессор Цуй занимается скорее глобальными экономическими процессами, но к этим процессам, безусловно, относится и существующий режим охраны интеллектуальной собственности. Как его видят китайские исследователи и эксперты? Близки ли Вам подходы профессора Унгера, с которым Вы лично знакомы, и как Вы можете продолжить его обращение к нашим участникам?

Цуй Чжюань:

Вначале я хотел бы выразить свою признательность за приглашение на Санкт-Петербургский экономический форум. Я был рад посмотреть видеобращение профессора Унгера, моего старого друга. До того, как вернуться в Китай в качестве преподавателя, я провел 11 лет в Массачусетском технологическом институте, где часто дискутировал с профессором Унгером. В основном я согласен с ним, но считаю, что он выражается слишком лаконично, и это может привести к неверному пониманию его слов. Хотелось бы выделить главное, на мой взгляд, положение в его презентации: необходимость ограничить защиту интеллектуальной собственности. Профессор Унгер выступает не за отмену существующих мер защиты интеллектуальной собственности, а лишь за их ограничение, вместе с более широким применением альтернативных мер и поощрением инноваций. Он внес два предложения: введение государственных наград для авторов инноваций и предоставление изобретателям доли в капитале компаний, которые коммерциализируют их изобретения. Он предложил также предоставлять изобретателям долю в капитале государственных компаний. Такой подход расширяет патентную защиту, которая в сегодняшнем виде иногда противоречит законам конкуренции.

Полагаю, что вы в фонде «Сколково» проделали замечательную работу. Мне особенно близко то, что вы не рассматриваете конкурентное право в отрыве от права на интеллектуальную собственность: существующий режим охраны этой собственности по большей части противоречит законам о конкуренции. Один из примеров этого — принудительное лицензирование. Суреш Прабху указал еще на одну проблему: с недавних пор в рамках ВТО действует ТРИПС — Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности. Это соглашение стало частью правил ВТО в 1994 году. Изначально ВТО не занималась интеллектуальной собственностью. Перед нами пример лоббистской деятельности небольшого числа крупных корпораций: двенадцать их представителей создали Комитет по правам на интеллектуальную собственность, который настойчиво и успешно лоббировал ТРИПС внутри ВТО. Это как раз то, о чем говорил профессор Унгер: защита интеллектуальной собственности сводится к одному из видов такой защиты. Я согласен с Унгером: мы должны вводить больше институциональных новшеств, используя альтернативные механизмы защиты и совершенствования прав на интеллектуальную собственность.

Приведу пример того, что называется «открытой инновацией» или «открытым программным обеспечением». Ведя ежедневную переписку по электронной почте, мы пользуемся веб-сервером Apache. Apache не охраняется традиционными средствами защиты интеллектуальной собственности. Его код открыт для публики: это открытое программное обеспечение, которым каждый может пользоваться бесплатно и без ограничений. Одной из альтернатив Microsoft Windows является операционная система Linux. Она также основана на открытом программном обеспечении и не охраняется традиционными средствами защиты интеллектуальной собственности. Linux защищается не копирайтом, а так называемым копилефтом. В одном из судов Калифорнии уже состоялось первое судебное разбирательство по поводу копилефта, призванного стимулировать открытые инновации. Если кто-то попытается получить патент на открытый код, это станет нарушением «копилефта»,

которое может быть оспорено в суде. Это еще один альтернативный способ защиты интеллектуальной собственности. Интересно, что в 2003 году, когда Билл Гейтс был с визитом в Китае и встречался с китайским Президентом Цзян Цзэмином, он согласился открыть исходный код системы Windows — только для Китая. Но позднее, как я выяснил, Microsoft открыла его еще для двух стран и одной международной организации. Международной организацией была НАТО, второй страной — Россия, чему я очень рад, третьей — Великобритания. Билл Гейтс согласился открыть исходный код Windows именно им. Это, конечно, очень любопытно.

Открытый код уже стал повседневной реальностью. К сожалению, в работах, посвященных правам на интеллектуальную собственность, результаты деятельности движения за открытый код учитываются недостаточно. Надеюсь, что страны БРИКС вместе смогут принять меры для стимулирования инноваций и защиты их инновационными методами. Спасибо.

М. Ким:

Спасибо. Госпожа Коллер, у Вас, видимо, есть комментарии по этому поводу. Я знаю, что Вам, к сожалению, нужно уходить на следующую встречу. Прошу сказать Вас заключительное слово.

Д. Коллер:

Спасибо за предоставленную возможность выступить с отдельным заключительным словом: к сожалению, мне нужно успеть еще на одно заседание.

Необходимо найти точное равновесие между открытыми инновациями, от которых выигрывает большая часть общества, и вознаграждением людей, создавших интеллектуальную собственность. Такое вознаграждение позволяет человеку осознать, что проделанная им работа действительно важна и принесет пользу как ему самому, так и его компании. «Копилефт» — один из способов обеспечить это равновесие. Есть и другие способы. Так, одним из наших сервисов можно пользоваться бесплатно в личных

целях, но за его использование в коммерческих целях придется платить. В ближайшие годы мы собираемся создать дополнительные механизмы, позволяющие получать бесплатное образование и выдавать вознаграждение преподавателям. Я не юрист, но мне требуются новые идеи в сфере защиты интеллектуальной собственности. Мне хотелось бы найти творческие решения, способные принести пользу всем, кто участвует в запущенном нами процессе распространения высококачественной интеллектуальной собственности. Спасибо.

М. Ким:

Спасибо. Надеюсь, что это не последняя наша дискуссия на эту тему с участием госпожи Коллер.

Сейчас я хочу передать слово представителям крупного бизнеса. Сегодня на нашей встрече присутствует господин Кимбалл Чен, который представляет трансконтинентальный и американский бизнес, но родом господин Чен из Китая. У меня такой вопрос: вы руководите крупной транспортной компанией в сфере энергетики, а также крупным инвестиционным фондом. На Ваш взгляд, какой режим защиты интеллектуальной собственности Вам выгоден? С одной стороны, Вы вкладываете деньги и хотите, чтобы тот продукт, в который Вы вкладываетесь, был защищен. С другой стороны, Вы заинтересованы в инновациях, в разработке новых технологий. Какую позицию занимаете Вы в этом вопросе?

К. Чен:

Я — член Консультативной группы по G20 Международной торговой палаты. Наша группа участвует в деятельности «Деловой двадцатки» в качестве партнера ее участников и Мирового экономического форума. Однако сегодня я буду говорить не от имени какой-либо международной организации, а от себя лично. Прежде чем рассказать о своем опыте, хочу прокомментировать другие выступления.

Очевидно, что обсуждаемая нами концепция прав на интеллектуальную собственность связана со сложными проблемами интеллектуального и политического свойства. Мы говорим о моральной стороне дела, о праве людей на лучшую жизнь, о праве собственности, о способах повысить креативность людей, о способности стран конкурировать друг с другом, о том, что потребности стран, находящихся на разных уровнях развития, неодинаковы. Цель всех этих дискуссий — создать международный режим защиты интеллектуальной собственности, что требует разностороннего сотрудничества и значительной общности интересов. Этот режим должен пользоваться доверием людей и быть достаточно устойчивым, чтобы решения, принимаемые в его рамках, проводились в жизнь. Итак, требуется весьма сложное взаимодействие, о котором говорили профессор Цуй и другие выступающие. Я всегда предостерегаю людей относительно так называемых «неизвестных неизвестностей». Неизвестно, к каким последствиям приведут изменения в сложных системах, если мы вторгнемся в их работу. Мы вносим изменения в сложную систему, которая влияет на отношения между людьми — особенно на отношения нового вида, которые возникают благодаря высоким технологиям и ускоряющемуся технологическому развитию. Чтобы обеспечить свою конкурентоспособность, необходимо объединить все кластеры интеллектуальной собственности. Это сложные проблемы, с которыми бизнес раньше не сталкивался. Хочу также подчеркнуть, что для улучшения ситуации в наименее развитых странах и странах, находящихся на низком уровне развития, новейшие технологии в ближайшие 20, 30 или 40 лет не потребуются. Информация о том, как увеличить продолжительность жизни, соблюдать гигиену при приготовлении пищи, улучшить систему образования, поднять урожайность на 50%, сейчас общедоступна. Поэтому дискуссия об интеллектуальной собственности актуальна для более продвинутых стран, таких, как страны БРИКС, а также для новых глобальных игроков, не относящихся к национальным государствам — например, для транснациональных корпораций.

Эти игроки вышли на арену недавно. Транснациональные корпорации обладают не меньшим, а иногда и большим влиянием, чем национальные государства. Между тем защита интеллектуальной собственности — это прерогатива государств. Профессор Цуй подчеркнул, что создание ВТО было инициировано двенадцатью крупными корпорациями. Эти новые игроки — не национальные государства. Это транснациональные корпорации. Таким образом, в этой сфере происходит очень сложное взаимодействие. Как бизнесмен, я прошу ученых, дающих советы правительствам, и сами правительства, не забывать о том, что бизнес — это позиция всей «Деловой двадцатки» — нуждается в максимальной стабильности. Это касается как тарифов и условий торговли, так и интеллектуальной собственности. Делая и меняя что-либо, следует помнить о стабильности и быть уверенным в том, что новые механизмы защиты собственности будут работать достаточно оперативно.

Мы только что закончили очень важное судебное разбирательство, касавшееся прав на интеллектуальную собственность. Мы обращались в Верховный суд США. К сожалению, нашей компании пришлось выступить против целой отрасли. Не буду вдаваться в детали: скажу только, что это был весьма интересный пример судебного разбирательства. Мы выиграли дело, однако потратили на это десять лет. Малый и средний бизнес, обеспечивающий большую часть экономического роста в развивающихся странах, не может сделать того, что сделали мы — потратить десятки миллионов долларов на десятилетнее судебное разбирательство. Поэтому мы нуждаемся в быстро работающих механизмах, которые обеспечивают справедливую защиту прав. Кроме того, интеллектуальная собственность не должна стоить слишком дорого: при множестве режимов защиты затраты на охрану собственности очень высоки. Это создает заметные помехи для малых и средних компаний. Безусловно, крупные компании стремятся присвоить всю интеллектуальную собственность себе: как сказал профессор Цуй, она мигрирует в большие корпорации.

Замечания, которые я сделал, обращены к правительствам и ученым. Они основаны на моем опыте работы в различных отраслях. Сегодня меня

больше всего интересуется энергетика. Я был межрегиональным консультантом правительства Китайской Народной Республики, когда было решено перейти к широкому использованию сжиженного природного газа. Сжиженный газ — одна из основных альтернатив природному: его применение позволяет, в частности, снизить выбросы углекислого газа. Следовало понять, какие технологии необходимо использовать и как обеспечить конкурентоспособность новой системы — устанавливая тарифы на коммунальные платежи, определяя направления инвестирования, выясняя, какие лицензии покупать за рубежом, чтобы создать сильную компанию, удовлетворяющую внутренний спрос. Все эти проблемы стоят сейчас перед странами БРИКС. Они заинтересованы в развитии крупных госкорпораций: последние должны быть таких размеров, чтобы успешно конкурировать на международных рынках.

С чего начать? Какова стоимость применяемых технологий? Об этом ведутся дискуссии в Международной торговой палате. Если говорить о государственной стратегии, стоит заметить, что развитие большинства отраслей обходится сравнительно дешево: в судостроительной, шинной, нефтехимической промышленности можно делать выбор между различными технологиями. Некоторые же отрасли не стоит развивать, если у вас нет доступа к набору важнейших патентов. Итак, между отраслями есть большие различия.

В настоящее время я являюсь президентом Всемирной ассоциации производителей сжиженного газа, объединяющей производителей пропана и бутана: 3,5 миллиарда человек используют этот газ для удовлетворения своих потребностей в энергии — в частности, для приготовления пищи. ООН обращалась к нам и к некоторым другим организациям, рассчитывая предоставить миллиарду человек во всем мире газ в баллонах вместо традиционного твердого топлива. Все необходимые технологии находятся в открытом доступе. Однако я знаком с одним китайским изобретателем, который говорит: «Я открыл химическую добавку, увеличивающую теплотворную способность углеводородного газа на 40%». Коммерческое использование этого изобретения позволит жителям развивающихся стран

снизить потребление газа в баллонах на 40%. Для экономики в целом это будет крайне выгодно. Однако изобретатель заявляет: «Я не хочу патентовать свое изобретение, так как не могу обеспечить его защиту и получить законное вознаграждение». Поэтому он не хочет раскрывать свой секрет. Это ноу-хау, которым никто не может воспользоваться. Кроме того, он изобрел горелку, которая производительнее других на 30%, что также позволит снизить расход топлива. Это изобретение он тоже держит в секрете. Перед нами — пример того, как существующая система препятствует коммерциализации изобретений. Я считаю, что мы имеем дело со сложной моральной, политической и социальной проблемой. Собственно, это целая экосистема проблем, и они касаются не только права или государственной стратегии. Благодарю вас.

М. Ким:

Мы сейчас выслушали представителя крупной, практически транснациональной корпорации, но это был взгляд из-за рубежа. С нами сегодня представитель Ассоциации российских бизнесменов и Центра регионального развития, Николай Васильевич Случевский. По совместительству Николай Васильевич является правнуком Столыпина. Вопрос такой: с какими проблемами в сфере защиты интеллектуальной собственности сталкиваются наши сельхозпроизводители? Как этот режим касается Вас, и как, на Ваш взгляд, его стоит изменить?

Н. Случевский:

Хочу поблагодарить господина Кимбалла за то, что он произнес очень важное слово: мы имеем дело с целой экосистемой проблем. Это слово близко мне, поскольку я занимаюсь проблемами сельского хозяйства. Как мы видим, термин «экосистема» может применяться для разных целей. К обсуждаемой теме можно подойти со многих сторон, и я даже не знаю, с чего начать. Постараюсь быть максимально конкретным.

Берусь утверждать, что наша сегодняшняя сессия — самая важная на этом Форуме. Я заявляю это не из тщеславия. Давайте взглянем на цифры, и вы

поймете, почему я так говорю. Вероятно, вы знаете об американском исследовании, посвященном иммигрантам из России, которые приехали в США за последние 20 лет, и их вкладу в ВВП. Он составляет более 3 триллионов долларов. Обсуждаются ли в ходе других дискуссий на Форуме суммы такого порядка? Поэтому я утверждаю, что тема у нас важная. Она должна привлечь всеобщее внимание, и значение нашей дискуссии огромно. Особый интерес у меня вызывают ее политический и социальный аспекты. Я собираюсь полностью изменить направление дискуссии и, как я уже сказал, коснуться вопросов, связанных с сельским хозяйством: вам это может показаться несколько странным. Сегодня мы должны решать сложнейшую проблему, связанную с приватизацией общественного пространства. Острее всего она стоит в аграрной сфере. Около 90% продуктов питания в мире производят люди, которые фактически не участвуют в работе глобальной финансовой системы. Это мелкие фермеры, ведущие натуральное хозяйство и стоящие вне системы. Сегодня они натолкнулись на стену — на правила защиты интеллектуальной собственности. Согласно этим правилам, сельское хозяйство, в случае использования генетически измененных семян, приравнивается к такой сфере, как производство программного обеспечения. Это фундаментальный дефект нынешнего режима охраны интеллектуальной собственности, обусловленный правилами ВТО. Последствия будут трагичными.

Приведу конкретный пример того, что происходит в этой области. В 1990 году W.R. Grace & Company успешно запатентовала в Индии так называемое дерево ним. Дерево ним — натуральный пестицид и использовалось в этом качестве на протяжении тысячелетий. Однако W.R. Grace сумела запатентовать его как пестицид. Трудно найти лучший пример общественного достояния, и все же им удалось получить патент. Потребовалось 15 лет, чтобы признать этот патент недействительным. Смысла в нем не было никакого. Кимбалл сказал, что его компания находилась в привилегированном положении, так как могла бороться и тратить миллионы на судебное разбирательство. Иногда это могут делать

отдельные страны — если не затронуты интересы крупных корпораций. Но у мелких производителей, особенно у фермеров, производящих 90% продуктов питания в мире, такой возможности нет. Режим охраны содержит фундаментальные дефекты.

Далее, существует организация под названием «Индийско-американская инициатива по обмену знаниями в области сельского хозяйства». Я люблю такие названия: они звучат очень альтруистично. Однако Индийско-Американская инициатива преуспела разве что в раскрытии разнообразной информации, которая являлась собственностью Индии. Я не против открытого обмена знаниями, которые крестьяне накапливали в течение тысячелетий, но против попыток запатентовать их и вывести из пространства общего пользования в частное пространство, чтобы заработать на этом миллиарды долларов. Аргумент «программное обеспечение эквивалентно генетически измененным семенам» полностью несостоятелен. Программное обеспечение строилось с нуля. В ИТ-сфере есть много проблем, связанных с интеллектуальной собственностью, но в ее создании, по крайней мере, есть доля личного творчества. Если же говорить о генетически измененных семенах, то 99,9% их интеллектуальной стоимости создавалось природой в течение миллионов лет. Даже если крупные корпорации добавляют один ген, меняющий способ использования семян, это событие — часть процессов, которые шли в природе на протяжении миллионов лет. А корпорации пытаются заработать на этом. Честно говоря, это просто смешно, однако система уже работает. Когда речь идет об огромных компаниях, контролирующих генетически модифицированные организмы, власти разного уровня не могут скоординировать свои действия. Дело доходит до абсурда: защищая свою интеллектуальную собственность, компания Monsanto разработала замечательную добавку, указывающую на наличие ГМО в растениях. Она меняет отражающую способность листьев, и если растения с ГМО окажутся на чужих полях, нарушение прав на интеллектуальную собственность можно будет отследить из космоса. Это нечто оруэлловское. Напомню еще раз: речь идет о 90% мирового производства пищевых продуктов. В

Соединенных Штатах во времена борьбы за независимость насчитывалось более 1800 сортов яблок. Сегодня их осталось 180 во всей стране. Мы теряем биоразнообразие вследствие захвата и использования в корыстных целях того, что должно быть предметом общественного пользования. Спасибо.

М. Ким:

Господин Прабху, Вы занимаетесь вопросами сельского хозяйства в правительстве Индии. Какие у Вас будут комментарии?

С. Прабху:

Я рад, что был поднят этот вопрос: наша дискуссия вышла на новый интеллектуальный уровень. Поздравляю предыдущего оратора. Я полностью согласен с тем, что главный вызов современности связан с продовольствием, поскольку сельскохозяйственные площади на планете ограничены. Ограничены и запасы воды, а производить продовольствие без земли и воды невозможно. При этом население планеты быстро растет. Сейчас на Земле живет семь миллиардов человек. Вскоре нас будет 10,5 миллиардов — на 50% больше, чем сейчас. Напомню, что сегодня около 2 миллиардов человек недоедают. Я верю, что экономическое развитие приведет к росту доходов: у людей появится больше денег на покупку еды. Итак, предположим, что численность населения будет расти вместе с покупательной способностью. При этом деньги в первую очередь тратятся именно на еду. Что произойдет с сельским хозяйством? Нам нужны технологии, позволяющие справиться с нехваткой земли и воды. Технологии будут использоваться, чтобы обеспечить свободный доступ к рынку. Целью ВТО является обеспечение свободного доступа к рынку: товары, услуги и технологии должны перемещаться беспрепятственно. Можем ли мы допустить, чтобы 2 миллиарда человек из 10,5 погибли от голода, имея возможность заниматься земледелием, но не имея на это права — ведь интеллектуальная собственность на соответствующие технологии принадлежит нескольким компаниям? Люди будут знать, что

такие технологии есть, но не смогут использовать их. Можно ли смириться с существованием такой системы? Поэтому к положению в определенных отраслях экономики следует подходить очень осторожно. Я уже говорил, что полностью поддерживаю защиту инноваций и, более того, защиту изобретений. Однако еще важнее создать систему, благоприятствующую появлению изобретений. Правовая защита изобретений в общемировом масштабе — это прекрасно, но в таких важных отраслях, как сельское хозяйство, фармацевтическая промышленность, энергетика, люди должны иметь возможность за разумную плату пользоваться интеллектуальной собственностью.

Я не утверждаю, что новые технологии нужно раздавать бесплатно. Однако плата не должна быть чрезмерной, чтобы не возникали рыночные барьеры. Это тем более важно, что создание подобных барьеров противоречит духу ВТО. Далее, мы должны разграничивать изобретения и инновации. Здесь приводился пример с Windows. Речь шла об «окнах» компании Microsoft, но я сейчас имею в виду другие «окна». Необходимо защищать интеллектуальную собственность и для этого держать дверь дома запертой. Но окна при этом должны быть открыты. Есть изобретения, и есть инновации. Изобретения можно защитить, закрыв дверь, но окна надо держать открытыми, чтобы не препятствовать возникновению инноваций. Иначе система защиты интеллектуальной собственности, включая новые законы в этой области, позволит появляться изобретениям — но инноваций у нас не будет. Мы получим результат, прямо противоположный желаемому. Разграничение следует проводить очень осторожно. Несомненно, мы нуждаемся в изобретениях. Говорят, что разработка молекулы нового лекарства или агрохимиката стоит сотни миллионов долларов. Я понимаю это. Говорят, что если не вернуть этих сотен миллионов долларов, нельзя будет совершить следующее изобретение. И это я также понимаю. Но не следует пытаться вести дело так, чтобы инвестиции в один миллиард давали стомиллиардную прибыль.

Это вопрос нравственности. Ни один закон не станет работать, если не имеет под собой нравственной основы, и поэтому нравственность должна

быть движущей силой изобретательства. Нельзя перекрывать доступ к техническим достижениям только потому, что кто-то заботится лишь о прибыли. Предоставляя интеллектуальную собственность в пользование, не нужно забывать о прибыли, но не следует думать только о ней.

М. Ким:

Спасибо, господин Прабху. Подошло время завершать дискуссию. В заключение хотелось бы обратиться к Антону Александровичу Иванову и после практических примеров вернуть нашу беседу в юридическое русло. Здесь были высказаны разные подходы к тому, каков должен быть режим охраны интеллектуальной собственности. Справедлив ли он? Какие у Вас возникли ощущения от этой беседы?

А. Иванов:

Спасибо. Я хотел сказать о том, что законодательство об интеллектуальной собственности, сложившись в XIX веке, потом развивалось разными путями. И практика разных стран, применяющих одни и те же конвенции, далеко не одинакова. Я являлся многократным свидетелем дискуссий в отношении интеллектуальной собственности между юристами, являющимися приверженцами двух моделей — англосаксонской, американской и модели континентальной. Подходы у них принципиально разные. Американская модель, я хочу подчеркнуть, именно американская модель, а не англосаксонская, состоит в расширении включения в сферу защиты интеллектуальной собственности самых разных объектов, которые может быть, туда попадать и не должны. И это общая тенденция. С одной стороны, американцы охраняют авторским правом гораздо более широкий круг объектов. С другой стороны, те объекты, которые во многих странах охраняются авторским правом, они «затягивают» в сферу патентного права, делая еще более жестким регулирование соответствующих отношений. Вот наш Роспатент, по аналогии с американским, начал сейчас патентовать рецепты изготовления тех или иных блюд. Смешно, но это факт! Блюда, которые готовились народами на протяжении тысячелетий, становятся

объектами патентной охраны! Я думаю, дальше мы дойдем до того, что вообще все будет запатентовано. И ничего нельзя будет сделать в свободном режиме. Это первый момент. Мне кажется, странам БРИКС надо все-таки продвигаться в русле континентальной модели, когда авторским правом и патентным правом охраняется только определенный набор объектов. Не следует расширять этот набор. Это первое.

Второе, что я вижу, и это очень важно — надо в определенной мере распространить на коммерческое использование объектов интеллектуальной собственности антимонопольное законодательство. Это уже сделано в некоторых ситуациях. Я приведу ряд решений Еврокомиссии, касающихся интернет-гигантов. Правда, они не всегда были связаны только с нарушением антимонопольного законодательства. Они были связаны с нарушением права на персональные данные или на какие-то иные ценности. Это другой важный аспект, который я хотел бы подчеркнуть. Мы склоняемся к тому, что в ряде сфер антимонопольное регулирование может касаться объектов интеллектуальной собственности, если речь идет об определенном способе их коммерческого использования. То есть антимонопольное регулирование не отвергает сами по себе права интеллектуальной собственности, но некоторые виды их коммерческого использования, несомненно, должны быть запрещены. Допустим, сознательное сокрытие объекта и получение патента с целью не дать его никому производить.

Далее. Очень важным мне кажется рассмотрение споров между правообладателями и всеми третьими лицами, которые заинтересованы в свободном доступе, исходя из того, что есть право интеллектуальной собственности как преимущественное право, а есть другие ценности, более фундаментальные и важные. Я имею в виду право на жизнь, здоровье, свободу и другие ценности. И при рассмотрении этих дел, конечно, надо учитывать, что последние категории, названные мной, имеют приоритет. В ряде случаев можно было бы формулировать такие практические выводы, в том числе, в судебной практике, когда во имя этих ценностей ущемляются права интеллектуальной собственности. Я приведу в качестве примера

очень известные дела, связанные с различными лекарствами, когда фармацевтические компании патентовали лекарства и не давали производить дженерики другим производителям. Когда эти споры шли в суды, суды говорили: но речь же идет о жизни людей, они не могут себе купить такое дорогое лекарство, которое продается какой-то швейцарской компанией, они могут купить более дешевый дженерик и выжить — или не купить лекарство и умереть. Эти две ценности, несомненно, должны взвешиваться, и суды должны решать этот вопрос, исходя из того, что право на жизнь выше, чем право интеллектуальной собственности.

Наконец, о сфере новой экономики. Вероятно, здесь нужны новые способы защиты прав — я имею в виду, прежде всего, интернет и связанные с ним новые способы распространения информации. Здесь, видимо, надо сделать отдельное специальное международное регулирование: никуда от этого не уйти. И в нем должно быть, несомненно, намного больше свободы, чем для традиционных объектов интеллектуальной собственности, больше свободного использования, больше использования без лицензии, больше случаев использования без разрешения, но с выплатой каких-то сумм.

Я приветствую предложенные профессором Унгером механизмы расширения возможностей создания различных инноваций. Он говорил о вознаграждениях или премиях. Приведу пример. В советские времена у нас на предприятиях платили вознаграждение тем работникам, которые что-то придумывали для совершенствования производства, и это было, в принципе, нормальным механизмом. Многие пользовались этим и радовались, когда у них возникала возможность увеличить свою заработную плату. Точно так же, на мой взгляд, можно создавать совместные фонды с участием государства и изобретателей, где государство предоставляет капитал, но и получает долю. Эта идея тоже хороша, но ни в коем случае не следует аннулировать систему монополии на патентные права, потому что иначе перестанет работать механизм создания объектов интеллектуальной собственности. Надо думать, как эту монополию ограничивать. Мне кажется, здесь очень важным является такое экономическое понятие, как покрытие затрат на создание того или иного

изобретения. Все мы знаем, что мейджоры, которые набрали огромные копилки прав на фильмы и музыку, уже давно никаких расходов, связанных с этими копилками, не несут, они получают чистый доход рантье. Здесь никакого инновационного механизма нет. Значит, нужно создавать такие механизмы, которые позволяли бы в особом порядке облагать налогами такие доходы. Можно, например, давать свободу доступа к этим произведениям на облегченных условиях. Скажем, если изобретатель или творец окупил свои затраты, то режим вознаграждения меняется. Но надо продумать, как эти затраты должны считаться и каким образом все это будет фиксироваться. Но мне кажется, что такие механизмы неплохо было бы создать. Спасибо.

М. Ким:

Антон Александрович, большое спасибо за такое всеобъемлющее заключительное слово! Мне кажется, что это как раз правильный, завершающий аккорд нашей дискуссии.

Очень много возникло вопросов и практических, и из разряда теории, идеологии, подходов к режиму охраны интеллектуальной собственности. Безусловно, вызывает оптимизм то, что наша сегодняшняя дискуссия обогатила понимание основных проблем, которые возникают в прессе, в широком публичном обсуждении. Мы обычно говорим относительно интеллектуальной собственности, что воровать нельзя, и все дискуссии только вокруг этого и ведутся. Интересно, когда такая тема получает новое развитие, когда мы видим, что сам по себе глобальный режим защиты интеллектуальной собственности — проблема, которая гораздо сложнее. Мы, журналисты, готовы участвовать в ее обсуждении и будем следить за ходом дискуссий и доводить до наших зрителей и слушателей те изменения в ситуации, которые происходят в настоящее время. Большое спасибо всем участникам дискуссии, до новых встреч!